

THE CHARACTER OF SLAVERY IN THRACE IN THE SEVENTH TO FIFTH CENTURIES B. C.

by T. D. Zlatkovskaya

After studying the testimony of Homer and the ancient literary tradition the author comes to the conclusion that slavery was little developed inside Thrace, where slave labour was employed mainly in domestic work and waiting upon the nobility. But the export of slaves to other countries was highly developed, which may be explained both by internal factors (social and property differentiation, the economic disruption of the communes) and by the large demand in the slave markets of the Greek cities surrounding Thrace.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ *

В истории экономики греческих полисов архаического периода существует еще много нерешенных проблем и неясных моментов. Основной причиной этого является недостаточная полнота наших источников по тем или иным вопросам истории данного периода, а порой и их полное отсутствие. Очень часто события ранних времен доходят до нас лишь в искаженной передаче авторов поздней эпохи, на сообщения которых зачастую вообще нельзя полагаться. Лапидарные эпиграфические памятники археологической поры, довольно содержательные с точки зрения истории религии, политических и дипломатических связей и т. д., об интересующем нас вопросе, как правило, умалчивают. За неимением других источников исследователи вынуждены обращаться к материалам нумизматики и археологии. Однако отдельные категории архаических памятников, как, например, керамика, хотя и являются объективным источником, но допускают при этом различную историческую интерпретацию и служат порой основой для неверных выводов. Так, присутствие в ряде поселений ремесленных изделий из других центров, к примеру родосских, еще не может говорить о непосредственных торговых контактах данных поселений с Родосом, поскольку мы знаем, что в это время функцию непосредственных импортеров изделий одних полисов (в нашем примере — родосской керамики) могли принимать на себя купцы-эмпоры из других греческих городов, например из Милета¹. Поэтому такое важное значение приобретает еще один разряд письменных источников, к сожалению, мало у нас используемый, — я имею в виду архаические греческие граффити.

Все высказанные замечания о состоянии наших источников периода архаики в гораздо большей степени относятся к истории полисов Северного Причерноморья. Изучение этого района имеет отнюдь не локальное значение для отечественной науки. Напротив, как это будет показано далее, выяснение характера и условий производства в северопонтийских полисах, а также характера их торговых связей со всем греческим миром приобретает для последнего в отдельных случаях исключительное значение. Поэтому в данной работе автор поставил себе целью на основании анализа новых эпиграфических документов из Северного Причерноморья постараться разобраться в отдельных вопросах раннегреческой экономики, не нашедших еще удовлетворительного решения.

* Настоящая статья написана по материалам доклада, прочитанного на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР 4 февраля 1970 г. Автор приносит свою благодарность всем товарищам, участвовавшим в обсуждении, ценные замечания которых он использовал в своей работе.

¹ См. К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 166.

Я хотел бы исследовать в этом аспекте две новые неизданные надписи из разных греческих поселений северного берега Понта. Первая из них найдена на о-ве Березани в 1963 г. при раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой². Это — граффито на внешней стороне стенки понийского килика первой половины VI в. до н. э., покрытого лаком красного цвета и украшенного пурпурными поясками. Сохранилось два фрагмента, которые не сходятся друг с другом, но, судя по криватуре профиля, фрагмент *b* располагался под фрагментом *a* (рис. 1). На

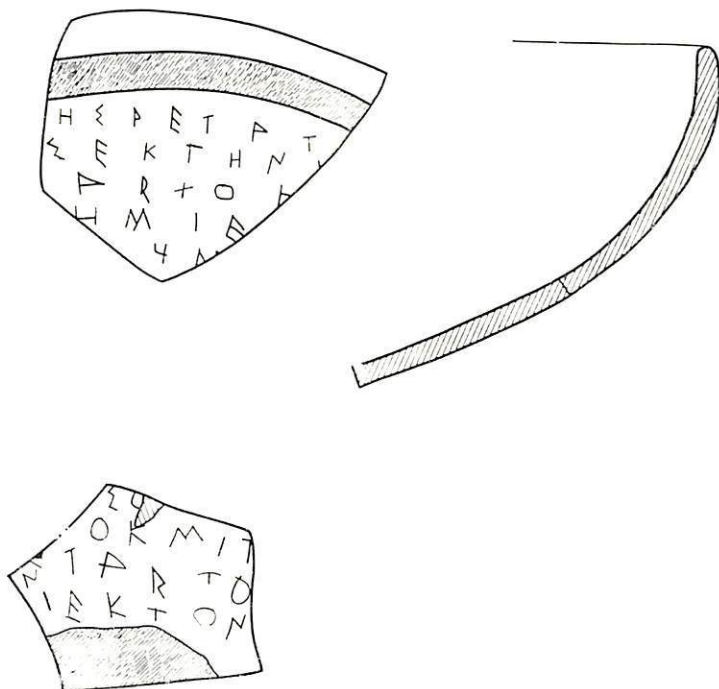

Рис. 1. Граффито с о. Березани, первая половина VI в. до н. э.

большем черепке сохранилось 5 строк (24 буквы), на меньшем — 5 строк (20 букв), т. е. текст состоял, по крайней мере, из 9—10 строк. Сильно фрагментированную надпись все же удастся более или менее полно восстановить. При этом я исходил из того, что документ довольно однороден по структуре. Я предлагаю следующую реконструкцию текста:

fr. a 1. ἐπὶ ὧλ]ησα ἐτ' ἀτ[ελίς (?)

— — —]ς ἐκτῆν

— — —] ἄρχο ἡ μίσητον

τὸ δεῖνος] ἡμίσχτον

5. τὸ δεῖνος] ἡμίσχτον

fr. b 1. — — — σο — — —

— — — σχμτ (?) — — —

εἰχο]σι ἄρτο

ἡμίσχτον] ν (?) νας.

5. τὸ δεῖνος] ἡμίσχτον.

fr. a, стк. 1 — первые три буквы — несомненно сигматическое окончание глагола в аористе; единственный наиболее подходящий глагол, который удастся подыскать, — это глагол πωλέω. Последующая группа из 4 букв только тогда даст приемлемые для греческого языка морфемы, если она будет разделена пополам. Первая часть может

² Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность К. С. Горбуновой, предоставившей надпись в мое распоряжение.

представлять собой апокопированную форму наречия $\epsilon\tau\iota$ со значением «еще, сверх того». Две последние буквы могли бы составлять начало слова $\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\varsigma$ «беспошлинно», однако такое восстановление весьма гипотетично.

Стк. 2 — здесь, как и в сткк. 3, 4, 5 fr. а и в сткк. 4 (?), 5 fr. b, надпись выполнена по формуле: собственное имя в род. п. + денежная единица. В данном случае стоит гекта, а во всех остальных гемигект. Сигма, стоящая в этой строке перед гектой, вероятно, входила в состав окончания род. п. имени типа -ης, -ας или -ης, -ας — флексии, характерной для ионийского диалекта.

Стк. 3 — буквы $\alpha\rho\chi\omicron$, вероятно, вторая часть составного имени типа $\Nu\alpha\rho\chi\omicron$, $K\lambda\epsilon\alpha\rho\chi\omicron$, $E\upsilon\alpha\rho\chi\omicron$ и т. п. Но не исключено также упоминание какой-либо должности вроде $\nu\alpha\upsilon\alpha\rho\chi\omicron$, $\phi\rho\upsilon\rho\alpha\rho\chi\omicron$ и т. п., хотя это менее вероятно. Fr. b, стк. 2, — возможно, ошибка разчика, так как такое сочетание букв не похоже ни на какие греческие морфемы.

Стк. 3 — ясно читается $\alpha\rho\tau\omicron$. Две буквы, стоящие впереди, хорошо дополняются в слово $\epsilon\iota\chi\omicron\sigma\iota$.

Итак, исходя из этих восстановлений, надпись представляет собой своего рода реестр какого-то неизвестного купца, ведшего подсчет барышу, полученному от торговли. Предварив текст преамбулой: «сверх того я продал беспошлинно (?)», он дальше ведет список по схеме: «от такого-то столько-то и т. д.». Один раз упоминается гекта и четыре (или пять) раз — гемигект. В одном случае купец получил от неизвестного жителя древней Березани вместо денег — натурой 20 мер хлеба: $\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$ обозначает преимущественно пшеницу и употребляется уже у Гомера. Об этом хлебе речь еще пойдет ниже.

При рассмотрении шрифта бросаются в глаза необычные формы *альфы* и *ро*. Такая *альфа*, насколько мне известно, совсем не встречается в Ионии, зато присутствует в нескольких ранних эолийских надписях из Лариссы на Гермесе и Навкратиса³.

Подобное начертание *ро* редко как для Ионии, так и для Эолиды⁴. Надпись при этом исполнена на ионийском диалекте. Я позволю себе высказать предположение, что написал ее приезжий купец-ионец, который часто скитался по различным уголкам эллинской ойкумены и, ведя расчеты с жителями самых различных городов и самых различных народностей, легко мог перенять от них какие-то ходовые формы букв, оставаясь по языку все же ионийцем⁵. Это объяснение гораздо реальнее, чем если бы мы считали этого торговца местным жителем, продававшим товар своим согражданам на острове.

Повторение несколько раз одной и той же суммы наводит на мысль о том, что этот эмпор торговал какими-то однородными партиями товаров и, скорее всего, расписной керамикой, в изобилии ввозившейся на Березань. Что касается монетной системы, к которой относятся упоминаемые номиналы гекта и гемигект, то она основывалась, конечно, на статере, и, мне кажется, едва ли кто-нибудь будет возражать против того, что этим статером был статер кизикский. Исследования нумизматов показали, что кизикин был главной и почти единственной интерлокальной валютой в Западном и Северном Причерноморье вплоть до конца IV в. до н. э., т. е. до времени Александра⁶.

³ См. M. Guarducci, Epigrafia greca, Roma, 1967, стр. 208 сл., № 1, 4; L. H. Jeffery, The Local Scripts of Archaic Greece, Oxf., 1961, стр. 359, № 1, а, b; стр. 360, № 4.

⁴ См. Guarducci, ук. соч., стр. 265; Jeffery, ук. соч., стр. 325, 339. Л. Джеффри считает даже, что такая форма *ро* только один раз встречается в ионийском алфавите — в известной votивной надписи Креза. Однако обоим исследователям не были известны надписи из Ольвии, где такая форма *ро* бытует вплоть до конца V в. до н. э. (см. В. В. Латышев, ИАК, вып. 10, стр. 10 сл. (2 раза), а также несколько неизданных граффити из теменоса, хранящихся в ЛОИА АН СССР: О—58 № 98, 1333, 1445).

⁵ Аналогичное явление нам известно из другого славившегося своей торговлей центра — Родоса, где одна из форм *кси* заимствована, очевидно, с Книда (см. Guarducci, ук. соч., стр. 330).

⁶ См. Д. Б. Шелов, Кизикские статеры на Боспоре, ВДИ, 1949, № 2, стр. 93 сл.; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 41.

Об обращении его в Северном Причерноморье говорят многочисленные находки, древние авторы и известная ольвийская надпись из Анатолу — Кавак (IOSPE, I², № 24). Надпись, разбираемая здесь, как и следующая, — первые письменные свидетельства обращения кизикинов в северопонтийских полисах в VI—V вв.

Вернемся к хлебу, упомянутому в тексте. Во-первых, сам факт натурального обмена, хотя и не слишком широкого (один раз на пять или шесть денежных операций), лишний раз свидетельствует о том, что товарно-денежные отношения еще не завоевали себе к этому времени исключительного положения, т. е. об их некоторой неразвитости. Об этом нам было известно хотя бы по Аттике Солона, где монета представляла еще довольно большую редкость (Plut., Sol. 23.2). С другой стороны, самым важным является вопрос — где производился этот хлеб и какую роль он играл в экономике древней Березани? Ниже будет показано, что здесь идет речь о небольшом количестве пшеницы. Однако это не противоречит, а лишь подкрепляет тот вывод, что данный эмпор вывозил именно крупные партии зерна с Березани. Во-первых, он, конечно, не возвращался домой порожняком, а закупал в Северном Причерноморье на вырученные деньги какие-то товары, чтобы выгодно сбыть их в Греции. На первом месте среди этих продуктов стоял, конечно, хлеб. Самое раннее упоминание вывоза зерна с Понта относится к 480 г. (Herod., VIII, 147). Тот же Геродот (IV, 17) говорит о скифах-пахарях, живших где-то в верховьях Гипаниса и сеявших хлеб на продажу. Во-вторых, как показывает наш документ, купец не гнушался и мелкими партиями, чтобы пополнить запасы своего трюма.

Какое же происхождение имеет пшеница, упоминаемая в надписи? Здесь мы неизбежно сталкиваемся со сложными проблемами характера греческой колонизации и экономики ранних северопонтийских поселений. Вопрос настолько сложен и имеет такую большую библиографию, что решать его на основании одной этой надписи не представляется ни правомерным, ни возможным. Однако некоторые выводы из нового документа сделать нужно. Как известно, недавно вышла монография В. В. Лапина, подробно разбирающая эти проблемы и вызвавшая сразу большую дискуссию. Автор, рассматривая, в частности, характер раннеберезанской экономики, отмечает, что это было целиком аграрно-ремесленное «трудовое» поселение⁷. Торговлю он отодвигает на задний план и, кажется, отрицает даже производство товарного хлеба на самом острове. Наша надпись, конечно, не говорит, чью пшеницу приобрел приезжий эмпор — березанскую или «скифскую». Однако она, во-первых, еще раз напоминает об оживленных торговых связях поселения, а во-вторых, прямо указывает на вывоз зерна с Березани (по моему предположению, в значительных количествах).

Интересно также выяснить, какие меры упоминались в надписи. Когда мне еще не было известно никаких аналогий рассматриваемому граффито, я предположил, что речь здесь идет о хойниках, по тем соображениям, что, судя по незначительным суммам, и меры пшеницы должны были быть не слишком велики: 20 медимнов — все-таки довольно значительная партия. После медимна хойник (около 1,1 л) был наиболее употребительной мерой зерна. Стоимость этого количества пшеницы должна была быть невысокой. Можно предположить, что она равнялась гемигекту, и вот почему. Эмпор, подводя реестр, начал его с самой большой суммы — гекты⁸, потом он перечисляет более мелкие суммы — по гемигекту. То обстоятельство, что и перед, и после 20 мер пшеницы стоит гемигект, позволяет предположить, что и данное количество зерна стоило гемигект. В таком случае цена медимна равнялась бы 1,2 гекты.

⁷ В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 122 слл.

⁸ Интересно было бы выяснить, какой вид имела вся надпись. Очевидно, она была процарапана на целой чаше, причем располагалась, по всей вероятности, в два широких столбца, соответствующих половинкам сосуда. На эту мысль наводит тот факт, что денежные единицы стоят почти одна под другой. Если правильно восстановлено мной слово ἐς «сверх того», то наш текст написан на другой половине чаши и представляет вторую часть всей надписи. Вполне возможно, что пропавшая первая часть начиналась с более крупных сумм, вырученных этим эмпором.

Такое гипотетичное восстановление замечательно подтвердилось еще одной надписью, которую я обнаружил гораздо позже березанской, разбирая эпиграфический архив Б. Н. Гракова. Это опять же граффито на обломке ручки амфоры красной глины, найденное при раскопках Фанагории в 1955 г.⁹ Ручка почти круглая в сечении, тесто с большим количеством слюды, но встречаются и известковые включения (рис. 2,3).

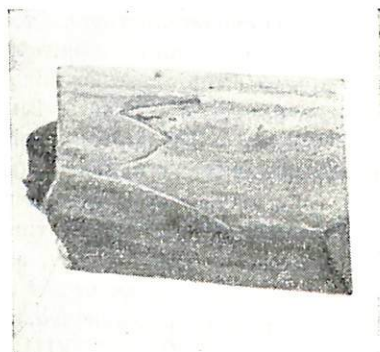

Рис. 2. Граффито из Фанагории, первая половина V в. до н. э.: а — сткк. 1—4, б — стк. 5

Надпись была сделана уже на обломанной ручке, т. е. на своеобразном остраконе, а потом еще раз отломалась с правой стороны, так что пропало, очевидно, около четырех букв конца.

Вот ее текст с восстановлением:

1. $\pi\chi\iota \Delta\iota\omicron\varsigma$ [^εΕρμῆ,
ἄγε [πρόξω (?)
μεδῖνυσυ λ[ωῖς-
να τριμήν[κτον.
5. Σ. vac.

Начало надписи $\pi\chi\iota \Delta\iota\omicron\varsigma$ невольно заставляет вспомнить знаменитый гимн Афродите Сафо. Но, судя по дальнейшему содержанию, с Афродитой черенок ничего общего не имел. Речь идет, несомненно, о торговле, и «дитя Зевса» — это, скорее всего, Гермес, рожденный $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\iota \alpha\nu\delta\rho\omega\nu$ те θεῶν те Майей (наиболее распространенная мифологема). Поэтому здесь предположительно можно восстановить глагол $\pi\rho\acute{o}\tau\tau\omega$ в fut. $\pi\rho\acute{o}\xi\omega$ со значением «выручать, наживать», как наиболее подходящий по смыслу и хорошо укладывающийся в строку. Косой срыв после *ипсилон* в стк. 3 заставляет дополнять сопряг. от $\acute{\alpha}\chi\alpha\theta\acute{o}\varsigma$ — $\lambda\omega\iota\omicron\nu\alpha$; его значение «более выгодный» хорошо подходит по содержанию, пропавшая часть его также не превышает четырех букв. Вин. п. $\lambda\omega\iota\omicron\nu\alpha$ делает бесспорным восстановление $\tau\rho\iota\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\kappa\tau\omicron\nu$. Интересно отметить употребление выражения $\lambda\omega\iota\omicron\nu\alpha$ $\tau\rho\iota\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\kappa\tau\omicron\nu$ вместо $\lambda\omega\iota\omicron\nu$ $\tau\rho\iota\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\kappa\tau\omicron\nu$.

Важен вопрос о датировке документа. Совокупность структуры глиняного теста и профиля сечения показывает, что ручка могла принадлежать только одному типу — так называемым амфорам со стаканообразными доньями, которые датируются V в.¹⁰ При анализе письма видно, что буквы надписи довольно ровные, спокойные; они вполне подходят для классического времени. Однако *мю* в стк. 4 по своей форме явно принадлежит еще архаическому времени, при этом она представляет здесь рудимент. Поэтому я склонен датировать всю надпись первой половиной V в. до н. э.

⁹ Черенок хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Ф, № 910). Хочу поблагодарить руководителя раскопок М. М. Кобылину за любезное разрешение опубликовать надпись, а также А. К. Коровину за помощь, оказанную при обработке материала.

¹⁰ См. И. Б. Зеев, Керамическая тара Боспора, МИА, № 83, 1960, стр. 74, табл. III, 9.

Итак, в таком восстановлении надпись представляет собой оракул Гермесу неизвестного торговца-фанагорийца с вопросом (и одновременно с просьбой, так как в оракулах вопрос всегда подразумевает просьбу), сможет ли он выручить за медими хлеба больше, чем тригемигект? Размашисто написанная *сигма* в 5 стк. могла бы обозначать имя лица, вопрошающего божество. Обычно в оракулах имя спрашивающего стави-

Рис. 3. Прорисовка граффито из Фанагории

лось, но в магических заклятиях часто было достаточно поставить свой инициал, либо монограмму, либо вовсе не подписывать табличку — ведь божеству все равно известно, кто к нему обращается¹¹. Возможно, что и наша надпись, как оракул, носит некоторый магический оттенок.

Кульст Гермеса засвидетельствован для Боспора¹², не должен удивлять и его оракул. Такой оракул отмечен, например, в Фарах. На площади этого города, по свидетельству Павсания (VII, 22, 3), стояла герма, которой на ухо при определенных церемониях шептали вопрос, а потом зажимали уши и ждали до тех пор, пока кто-то не уйдет с агоры. Затем руки отжимали: и первое услышанное слово и было ответом. На оракул этого божества намекает и Гомеровский гимн к Гермесу (Нум. Нот., II, 565 сл.)

Итак, неизвестный фанагориец спрашивает бога, сможет ли он продать медими зерна выгоднее, чем за 1,5 гекты. Отсюда следует, что нормальная рыночная цена держалась в то время около $\frac{1}{4}$ статера за медими; денежная единица здесь, несомненно, та же, что и в березанской надписи, — кизикки. К сожалению, в данной надписи не угадывается, какой хлеб собрался продавать купец из Фанагории. Я думаю, не будет слишком смелой гипотеза, что здесь идет речь о пшенице. Именно пшеницей славился Боспор, и она составляла, очевидно, более значительный процент вывоза, чем ячмень и другие культуры. Об этом мы можем судить хотя бы по тому, что наши источники говорят исключительно об экспорте пшеницы или хлеба вообще и совсем умалчивают о вывозе ячменя. На пантикапейских монетах гораздо чаще (если не постоянно) изображался пшеничный колос, а монетные эмблемы такого рода называются у нумизматов иногда «коммерческими», так как они изображают продукты производства, которыми особенно славился данный полис и которые составляли основной предмет его экспорта. Анализ зерен злаков из различных поселений Боспора показал, что чаще

¹¹ Ср. E. G. K a g a r o w, Griechische Fluchttafeln. Eus, supplementa, т. 4. Leopoli, 1929, стр. 17.

¹² См. И. И. Т о л с т о й, Греческие граффито древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 161, 181.

всего попадают зерна именно мягкой пшеницы, ячмень и просо встречаются значительно реже¹³. Примечательно также, что наша надпись происходит из Фанагории, т. е. с азиатской стороны — основной житницы Восточного Босфора.

Содержание граффито позволяет сделать некоторые выводы и о характере торговли. Обращает на себя внимание, что неизвестный фанагориец заранее испрашивает Гермеса о результате его торговой сделки. Кроме того, речь идет, несомненно, о крупной операции, поскольку он исчисляет свой доход в расчете на медимны. Все это хорошо согласуется с такой реальной ситуацией, когда оптовый фанагорийский торговец (может быть, одновременно и землевладелец), имея хлебные запасы (т. е. уже после снятия урожая), поджидает прибывающих из Греции купцов, чтобы сбыть им крупную партию зерна. И хотя, вероятно, в обмен на пшеницу этот эмпор брал товар, привезенный из Греции его коллегами, все равно он исчисляет свой барыш в монете, т. е. здесь уже речь идет о вполне развитых товарно-денежных отношениях.

Самый важный вопрос, в разрешении которого большое значение имеют разбираемые надписи, при этом важный не только для Северного Причерноморья, но и для всей раннегреческой экономики, — это вопрос о ценах на хлеб в архаический и классический периоды, т. е. вопрос о тех статистических данных, без которых любое экономическое исследование вынуждено ограничиваться довольно примитивными характеристиками типа: «развивается — не развивается», «больше — меньше» и т. д. И столь большое значение наших надписей объясняется тем, что, как мы увидим ниже, они являются, пожалуй, единственными реальными документами по данной проблеме.

Прежде всего, никто, конечно, не станет сомневаться в их объективности и достоверности. И в том и другом случае надписи наносились на керамику самими торговцами и для себя (фанагорийская, правда, отчасти для божества, но в принципе это одно и то же). Тем самым у их авторов не было никаких причин искажать реально существующие рыночные цены. Гипотетичное восстановление березанской надписи прекрасно подкрепляется фанагорийской, т. е. в первой половине VI в. на Березани пшеница стоила 1,2 гекты за медимн, а в первой половине V в. в Фанагории — 1,5 гекты за медимн, что хорошо коррелируется при учете объективного роста цен.

Все данные, которыми мы располагаем по ценам на хлеб в VI в., ограничиваются сообщениями двух авторов: Плутарха и Поллукса. Оба свидетельства настолько важны для наших выводов, что я позволю себе остановиться на них подробно.

В 23 главе биографии Солона Плутарх сообщает об одном из его законов следующее: *εις μὲν γὰρ τὰ τιμήματα τῶν θυσίων λογίζεσθαι πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀντὶ μεδίμνου* (Plut., Sol. 23,3). С. И. Соболевский переводит это место следующим образом: «Так, например, при оценке жертвоприношений Солон считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба». Как ни странно, такая небольшая фраза вызвала обширную литературную полемику. При этом большинство исследователей, вне зависимости от предлагаемых интерпретаций, сходятся в одном — место это довольно темное, поскольку непонятно, что понималось под такой оценкой жертвоприношений и какую цель преследовал закон. При анализе фразы, несомненно, можно установить два положения: 1) *πρόβατον καὶ δραχμὴν* вместе относятся к *ἀντὶ μεδίμνου*; 2) *καὶ* надо понимать в смысле «или», поскольку ниже Плутарх говорит, что ценой овцы и была драхма. *τιμήματα* имеет также два значения: «оценка» и «налог». Скорее надо принять первое, поскольку у Плутарха этот термин употребляется в биографии Солона всегда в смысле оценки. Но тем не менее, остается неясным, какой смысл имела эта статья законов Солона. Все эти трудности побудили в свое время У. Вилькена ввести в текст конъектуру¹⁴. Вместо *θυσίων* он предложил *οὐστῶν* с минимальным орфографическим изменением ошибки переписчика. В таком случае смысл фразы резко меняется — вместо оценки жертвоприношений речь идет о ценовой реформе Солона.

¹³ См. В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 74 сл.

¹⁴ U. Wilcken, Zu Solon's Schatzungsklassen, «Hermes», 36, 1928, стр. 236 сл.

Поэтому-то эта конъектура, названная Ф. Хайхельхаймом¹⁵ *brillante et revolutionnaire*, вызвала ожесточенную полемику среди ученых. Одни, как, например, Хайхельхайм¹⁶, И. Гилль,¹⁷ с теми или иными оговорками принимают исправление Вилькена, другие — И. Хазебрёк¹⁸, ван ден Уденрийн¹⁹ — полностью отвергают ее. Последний, к примеру, считает, что здесь речь идет о ценах и способе закупки хлебной жертвы для Деметры, и постулирует исключительно аграрный характер раннеаттической экономики. Я не хочу здесь входить в полемику, поскольку это особая и довольно сложная проблема. В нашем конкретном случае важно лишь, отражает ли приведенная Плутархом цифра реальную рыночную цену хлеба в Аттике в начале VI в., вне зависимости от толкования отрывка.

Для этого необходимо сравнить цену, приведенную Плутархом, с современной ей и вполне достоверной березанской ценой и несколько более поздней фанагорийской. Поскольку две последние цифры выражены в электровых статерах, то надо перевести их в серебро. Ratio VI—V вв. нам известно, оно равнялось для Δ : $\mathcal{A}$ = 1 : 13 $\frac{1}{3}$,

а для электра к $\mathcal{A}$ = 1 : 10. У Плутарха скорее всего имеются в виду новые легкие драхмы. После некоторых расчетов²⁰ получается, что 1 статер (кизикский) = 37 драм, или 1 гекта = 6 $\frac{1}{6}$ драхмы, соответственно 1 драхма $\approx$ $\frac{1}{6}$ гекты. Таким образом получаем следующие цифры:

цена за 1 медимн

Березань, первая половина VI в. — 7,4 драхмы (пшеница)
 Фанагория, первая половина V в. — 9,25 драхмы (пшеница?)
 Аттика, начало VI в. — 1 драхма (?)

Сразу бросается в глаза резкое несоответствие эпиграфических данных и данных Плутарха. Правда, неизвестно, о каком хлебе идет у него речь — о пшенице или ячмене. В свое время А. Жарде высказал предположение, что здесь имелся в виду скорее ячмень²¹. В таком случае, поскольку в наших надписях речь идет о пшенице (на Березани во всяком случае, а в Фанагории — вероятно), то надо сравнивать цены именно на пшеницу. К сожалению, у нас нет данных о соотношении стоимости пшеницы и ячменя для VI в. Такие сведения имеются только для IV в. Причем лучше всего брать для сравнения источники, где стоит цена того и другого хлеба. Проанализируем, например, надписи из Афин:

IG, II, № 834b — 329/28 г. до н. э.

цены за 1 медимн

пшеница
 ячмень

6 и 10 драм (вторая завышена)
 3 драхмы и 3 драхмы 5 оболов

IG, II, № 408 — 340—330 г. до н. э.

пшеница
 ячмень (?)

9 драм
 5 драм

¹⁵ F. Heichelheim, *An Ancient Economic History*, I², Leiden, 1958, стр. 253; он же, RE, Supplbd. VI, 1935, стр. 832, s. v. Sitos.

¹⁶ Там же.

¹⁷ J. H. Thill, *On Solon's System of Property-Classes*, Mnemosyne, ser. IV, vol. III, 1950, стр. 1 сл.

¹⁸ J. Hasebroek, *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*, Tübingen, 1931, стр. 291, прим. 2.

¹⁹ C. M. A. van den Oudenrijn, *Solon's System of Property-Classes Once More*, Mnemosyne, ser. IV, vol. V, 1952, стр. 19 сл.

²⁰ Вот эти расчеты: средние веса — 1) кизикского статера = 16 г; 2) афинской драхмы = 4,36 г. 1 статер = $\frac{16 \times 10}{4,36} \approx 37$ драм.

²¹ A. J. Ardé. *Les céréales dans l'antiquité grecque*. P., 1925, стр. 178.

Итак, ratio пшеницы к ячменю составит $1 : 2/1,56$, т. е. в середине IV в. до н. э. пшеница стоила в 1,5—2 раза дороже ячменя²². Можно предположить, что такое же соотношение наблюдалось и в VI в. Тогда пшеница во времена Солона стоила бы максимум 2 драхмы, что все-таки ниже реальной цены, засвидетельствованной эпиграфическими данными. Кроме того, надо учитывать, что бедная хлебом Атика ввозила хлеб с Понта, а не наоборот, поэтому там он должен был стоить дороже. В. Д. Блаватский высказал гипотезу²³ (к ней мы еще вернемся), что в IV в. эта разница составляла 22,5—30%. Очевидно, в VI в. из-за неразвитости мореплавания и опасностей морской торговли, а также относительной неразвитости ростовщической ссуды этот процент мог быть и выше. Следовательно, во всяком случае, если даже Плутарх имел в виду ячмень, все равно цена хлеба занижена примерно в 5—7 раз, не говоря уже о пшенице. И это по самым скромным подсчетам.

Мы знаем в основном источники Плутарха о Солоне — это Гермипп, Аристотель, Феофраст, Деметрий Фалерский, Гераклид Понтийский. Все они относятся к сравнительно позднему времени — IV в. до н. э. Эти его источники, как показывает текстологический анализ, питались по большей части слухами и всевозможными анекдотами и не знали реальной ситуации солоновских времен. К. К. Зельин, проводивший тщательное исследование текста Плутарха, отмечает²⁴: «Плутарх получал сведения в не менее тенденциозном (чем Аристотель. — Ю. В.) освещении и обработке позднейших авторов различных направлений». «В общем из всех глав... видно, что у Плутарха в руках был большой фактический материал..., но что объяснение фактов (или вернее того, что Плутарху представлялось фактами [курсив мой. — Ю. В.]) привнесено позднейшими авторами и самим Плутархом, исходившими из современных им условий, а потому не имеет исторической ценности для эпохи Солона». Наши выводы лишней раз подтверждают это положение. Между прочим, цены на сельскохозяйственные продукты, приводимые Плутархом в другом его сочинении²⁵, также резко расходятся с реальными.

Кроме разобранного свидетельства иногда ссылаются на одно место из «Ономастикона» Поллука (конец II — начало III в. н. э.), где он говорит об афинских цензовых категориях и о том, какие расходы на общественные нужды (*ἀνάγκη εἰς τὰ δημόσια*) каждая из них должна была нести²⁶. А именно:

	Годовой доход	Расход на общественные нужды
1. Пентакосиомедимны	500 мер	1 талант (= 6000 драхм)
2. Всадники	300 мер	0,5 таланта (= 3000 драхм)
3. Зевгиты	200 мер	10 мин. (= 1000 драхм)

Хазебрёк предположил²⁷, что здесь речь идет не о налогах, а об оценке состояний в различных классах, выраженной в деньгах. Хайхельхайм говорит²⁸, что выводы Хазебрёка кажутся вероятными до тех пор, пока мы будем доверять информации Поллука, а она основана на невероятно высокой стоимости пшеницы в 12 драхм за медимн. Я считаю, что здесь вообще не может идти речь ни о какой рыночной цене и вот почему. Во-первых, мы не имеем прямого указания на пшеницу, речь идет только о совокупности сухих и жидких продуктов (*ξηρὰ καὶ ὑγρὰ*). Во-вторых, можно заметить, что стоимость меры этих продуктов падает от первого к третьему классу: 12 драхм → 10 драхм → 5 драхм. В таком случае это не рыночная цена, а что-то иное. Как же могла произойти

²² Предположительно такое же соотношение наблюдалось и в V в.; см. К. Хилл и К. И., Медимны Солона, сб. «Н. И. Карееву ученики и товарищи по научной работе», СПб., 1914, стр. 160.

²³ Блаватский, ук. соч., стр. 201.

²⁴ К. К. Зельин, Борьба политических группировок в Атике в VI в. до н. э., М., 1964, стр. 81 сл.

²⁵ Plut., De tranq. animi 10.

²⁶ Pollux., Onom. VIII, 130.

²⁷ Hasebroek, ук. соч., стр. 290 сл.

²⁸ Heichelheim, An Ancient Economic History, стр. 253.

ошибка Поллукаса? Из предположения Хайхельхайма²⁹ относительно аналогичного случая можно заключить, что Поллукас неверно понял слово *τέλος* в смысле «аналог, подать». Отсюда и получилось *ἀνάλογον εἰς τὴν δῆμοσίον*. У Аристотеля, Плутарха и других авторов *τέλος* имеет значение «власть, сословие, сословный ценз». Но этим все равно не объясняется, почему денежная оценка основана все-таки не на одном модуле. Но мой взгляд, это какая-то механическая контаминация двух разных свидетельств: 1) о денежной оценке состояний (*τῆμνα*), 2) об общественных обязательных расходах, дифференцированных по классам. Из такого бездумного эклектизма ранних сведений или самим Поллукасом или его источниками и получилась подобная нелепость. Таким образом, данные Поллукаса теряют также всякую историческую ценность.

Во всех известных мне сводках цен на хлеб ³⁰ после разобранного выше указания Плутарха как самое раннее приводится свидетельство Аристофана в «Осах», относящееся к 422 г. до н. э. Его не следует здесь рассматривать, так как оно слишком далеко отстоит от данных фанагорийской надписи, не говоря уже о березанском граффито ³¹. По счастливой случайности мне удалось найти еще один документ, гораздо ближе расположенный хронологически по отношению к нашим памятникам и потому позволяющий провести сопоставление. Это надпись на мраморной плите из коллекции Эльджины, происходящая из Афин; она опубликована впервые Е. Л. Хиксом еще в 1874 г. ³² Надпись представляет собой сакральный закон о жертвоприношениях и в интересующей нас части гласит:» Ἡρ[φν], παρθ[ν] δὲο χαλκήνα, τρεῖς ἕβ[ε]λ[λ]οι. По манере письма стойхедон и формам букв Хикс датировал надпись временем около 450 г. до н. э. Теперь после уточнения датировки ее относят к первой половине V в. ³³.

Если закон предписывает приносить двум неизвестным героям два хойника пшеницы стоимостью в 3 обولا, то цена одного медимна равняется 12 драхам³⁴. Поскольку сакральный закон — документ достаточно ответственный, то едва ли мы можем подозревать его в необъективности и искажении фактических цен. Тем не менее издателя удивляет, что стоимость пшеницы в два раза выше, чем мы должны были бы предполагать, так как в одной надписи из Аттики³⁵, похожей по характеру на эту, 1 гемингет (=4 хойника) пшеницы оценивается в 3 обولا, что составляет 6 драм за медимн. Но и это, как замечает издатель, вдвое больше обычной цены. Все это заставляет его предположить, что жрецам здесь позволялось продавать хлеб по столь высокой цене в сакральных целях. Объяснение издателя кажется мне неприемлемым для данного случая по следующим причинам.

²⁹ О н ж е, RE, Supplbd. VI, стр. 831, s. v. Sitos.

³⁰ Там же, стр. 887—888; J a r d é, ук. соч., стр. 178 сл.

³¹ Там же, стр. 887—888; *Латинские тексты*, стр. 178—179.

³² The Collection of Ancient Greek Inscriptions in the British Museum, by Ch. Newton. Part I, Attika, ed. by E. L. Hicks, Oxf., 1874, стр. 135, № 73. По непонятным причинам надпись не привлекла внимания исследователей античной экономики, хотя она и была впоследствии переиздана несколько раз: IG, I, suppl. 5.3 c; I. de P r o t t, *Leges Graecorum Sacrae e titulis collectae*, fasc. 1, *Fasti sacri*, Lipsiae, 1896, стр. 5 сл., № 2; IG, I², № 842; F. S o k o l o w s k i, *Lois sacrées des cités grecques*, P., 1969, стр. 3 сл., № 2.

³³ S o k o l o w s k i, укр. соч., стр. 3.

³⁴ Совершенно неоправдана и ничем не аргументирована точка зрения И. Протта, который отвергает справедливое толкование Хиксом 3 оболлов как указания на цену пшеницы и предполагает, что этим двум героям предписывалось приносить в жертву *tritricum et panes tres a forma veru simili denominatos*, т. е. «пшеницу и три хлеба, названные по своей форме, похожей на вертел» (*P r o t t*, ук. соч., стр. 6, прим. 2). Наванные по своей форме, похожей на вертел» (*P r o t t*, ук. соч., стр. 6, прим. 2). На сколько я знаю, этот термин никогда не прилагался к хлебу, в какой бы форме он ни был испечен, так что объяснение Протта является чистой фантазией. Нам известно, что слово βεῦλος имело основное значение «вертел, рожон, прут», из него семантически и исторически образовалось название денежной единицы βεύλας «обол» (см. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 38 сл., рис. 15). Однако есть случаи, когда βεῦλος употребляется в смысле «обол» (см. J. H. Jongkees, On Price Inscriptions on Greek Vases, Mnemosyne, ser. IV, vol. IV, 1951, стр. 263). Именно в таком значении надо понимать это слово и в рассматриваемой нами надписи.

³⁵ Впоследствии она переиздана в IG, II, № 631.

Во-первых, надпись, на которую ссылается Хикс, относится к началу IV в. до н. э. п., следовательно, моложе издаваемой им по крайней мере на 50—60 лет. Поэтому в связи с резко изменившимися ценами привлекаться как аналогия она не может.

Во-вторых, надо признать весьма резонной гипотезу Хикса (взятую им у А. Бёка³⁶), что жрецы имели право продавать продукты, которые у них закупали молящиеся, чтобы принести жертву тому или иному божеству, по более высокой цене, чем нормальная рыночная. Однако при привлечении аналогии Хикс упустил из виду, что сакральные законы о жертвах делятся, грубо говоря, на два разряда: *первый* — так называемые *fasti*, т. е. календари праздников и дней, посвященных определенным богам, в которых предписывалось, в какие дни и месяцы каким богам что и сколько приносить в жертву. Их сохранилось довольно много из разных областей и эпох³⁷. Они издавались в основном для жрецов, фиасов и т. д., т. е. носят по большей части общественный характер, хотя ими могли пользоваться и частные лица. Такая кодификация происходила часто при слиянии полисов или объединении их в союз. *Второй* — жертвенные тарифы, издаваемые храмами и жрецами преимущественно для частных лиц. В них перечисляются животные и разнообразные продукты, которые следует приносить в жертву определенным божествам, причем сразу же указывается стоимость жертвы или пошлина за ее совершение. Разумеется, во втором разряде законов приводятся не обычные рыночные цены, а несколько завышенные, чтобы храм или жрец смогли получить какой-то доход. Однако подобная вещь практиковалась только в отношении частных лиц. Об этом прямо говорит аттический сакральный закон второй половины IV в. до н. э. (IG, II, № 610), который гласит: ἐὰν δὲ τις θύῃ τῇ θεῷ τῶν ὀργεῶνων οἷς μέτεστιν τοῦ ἱεροῦ ἀτάλαϊς αὐτοῦς θύειν ἐὰν δὲ ἰδιώτης τις θύῃ τῇ θεῷ δίδοναι τῇ ἱερέᾳ γαλαθῆναι μὲν ἸΣ κτλ. «Если будет приносить жертву богине кто-то из оргеонов, которые имеют отношение к святилищу, то пусть они приносят жертву беспошлинно; если же какой-то частный человек будет совершать жертвоприношение богине, то пусть платит жрице за новорожденного животного 1,5 оболы и т. д.». Далее перечисляется, за каких животных сколько платить и какие части туши отдавать жрецам. Следовательно, оргеоны, т. е. представители демонов, избранные для совершения общественных жертвоприношений, ничего не приплачивали в казну храма или жрецам. Надо отметить, что хотя при общественных жертвах жрецам по стародавнему обычаю отдавали какие-то части туши (γέρχ)³⁸, пошлину платят только частные лица. Такого же типа и известная ольвийская надпись (IOSPE, I², № 76).

Изданная Хиксом надпись относится к первому разряду сакральных законов³⁹, а привлекаемая им в качестве аналогии (IG, II, № 631) — ко второму. Сам обычай взимания жрецами пошлины, выплаты им общественного содержания, учреждение для этой цели специальных фондов и деятельность в этом направлении отдельных меценатов, а также другие мероприятия, направленные на увеличение доходов жрецов и храмов, как показывают документы, нашли широкое распространение с начала IV в. и особенно в эпоху эллинизма⁴⁰.

Кроме того, надо заметить, что в рассматриваемой надписи из всех перечисленных жертвенных продуктов цена стоит только для пшеницы, в то время как в жертвенных тарифах она проставляется везде. Это, очевидно, имело целью скорее обозначить сорт пшеницы, которую надо было приносить в жертву двум героям, и сорт, вероятно, высокий. Без такого указания жрецы могли бы принести в жертву пшеницу похуже ка-

³⁶ A. B ö c k h, Staatshaushaltung der Athener, I², стр. 132.

³⁷ См. Syll.³, № 1024—1028, 1030—1033, 1037, 1038, 1040, 1047; P r o t t, ук. соч., passim.

³⁸ См., например, Syll.³, № 1037: язык, бедро, шкуру.

³⁹ Протт считает, что она издана для какого-то фиаса филы, дема или рода (P r o t t, ук. соч., стр. 7).

⁴⁰ См. M. P. N i l s s o n, Geschichte der griechischen Religion, II², München, 1961, стр. 75 слл.

чеством⁴¹. Короче говоря, приведенные здесь аргументы заставляют предполагать в изданной Хиксом надписи указание на нормальные рыночные цены, пусть даже и отборной пшеницы.

В результате мне представляется более резонным сопоставить изданный Хиксом документ с нашими граффити и прежде всего с фанагорийским, которое не так уж далеко отстоит от него по времени. В надписи из Фанагории медимн хлеба (по моему предположению — пшеницы) стоит 1,5 гекты, т. е. в пересчете на афинское серебро — 9,25 драхм. Эта цифра все же несколько ниже, чем данные документа из Британского Музея. Как уже упоминалось, В. Д. Блаватский на основании анализа текста речи Демосфена «Против Лакрита» высказал предположение⁴², что в IV в. в Аттике пшеница стоила дороже, чем на Боспоре, на 22,5—30%. Если мы теперь сопоставим цены фанагорийского оракула и аттической надписи, то окажется, что вторая выше первой ровно на 30%. Таким образом, гипотеза В. Д. Блаватского замечательно подтвердилась и для первой половины V в. В итоге оказывается, что все три надписи (2 граффити и 1 лапидарная) прекрасно согласуются и подтверждают друг друга.

Итак, сведем полученные новые данные в таблицу, которую можно рассматривать как Supplementum к известной сводке Хайхельхайма.

Эпоха	Время года	Место	Характер цены	Вид хлеба	Цена за медимн (в атт. драхм.)
1 пол. VI в.	лето	о. Березань	рыночная	пшеница	7,4 (?)
1 пол. V в.	лето	Фанагория	рыночная	пшеница (?)	9,25
1 пол. V в.	?	Аттика	официальная	пшеница	12

И на Березани и в Фанагории цены относятся, несомненно, к летним месяцам (период навигации, время после сбора урожая). Надо учитывать, что вновь полученные цены надо рассматривать как условные, а не как средние для данной эпохи. Они зависят от урожайного и неурожайного года, хотя и относятся (по крайней мере две первые) к одному времени года.

В заключение мне хочется отметить, что большинство выводов, сделанных в этой статье, имеет в большей или меньшей степени гипотетичный характер, что объясняется фрагментарностью документов и некоторой их хронологической разобщенностью. Однако я по мере возможности старался полнее их аргументировать, и, на мой взгляд, такое исключительное совпадение всех данных не случайно. Подтвердить или опровергнуть их могут только новые письменные памятники. Пока они не отыскались, разобранные здесь надписи вместе с упомянутой аттической — все-таки единственные реальные источники по ценам на хлеб в греческих полисах VI — первой половины V в. до н. э. Они лишний раз подчеркивают, какое важное значение имеют немногословные надписи на черепках и насколько насущна задача разработки этого еще недостаточно исследованного эпиграфического материала.

Ю. Г. Виноградов

⁴¹ Подтверждение этой гипотезы я нашел в обнаруженной недавно надписи первой половины IV в. до н. э., содержащей культовый календарь дема Эрхия (см. S o k o l o w s k i, ук. соч., стр. 36 сл., № 18). На этом камне, относящемся к тому же разряду сакральных законов, что и разбираемый (т. е. к fasti), в сткк. А—5, 30, 43; В—25, 44, оценивается в 12 драхм, а в сткк. А—16, 22, 65; В—5, 39, 59; Г—30; Δ—17; Е—8, 21 (всего 10 раз) — в 10 драхм; в сткк. А—36; В—51; Г—37; Δ—40; Е—43 (всего 5 раз) — коза оценивается в 12 драхм, а в сткк. А—51, 56; В—13; Г—12; Δ—12; Е—46 (всего 6 раз) — в 10 драхм. При этом разные оценки сопровождают одни и те же термины для овцы и козы. Ясно, что и здесь идет речь о разных сортах (по весу, размерам, качеству) жертвенных овец и коз. Это же следует и из других подобных законов (см. S o k o l o w s k i, ук. соч., № 20).

⁴² Блаватский, ук. соч., стр. 201.

NEW DATA ON EARLY GREEK ECONOMY

by Yu. G. Vinogradov

The paucity of our sources on early Greek history lends special importance to a still insufficiently exploited category of written sources, the graffiti. The author examines two recently found ceramic inscriptions. The first, an imperfectly preserved graffito of the first half of the sixth century from Berezan, contains a list of sums realised from trade by a visiting Ionian merchant. In the inscription there are also indications of barter, which points to an early stage in the development of commodity-money relations. In the author's opinion information on corn prices may be deduced from this text. The second inscription, from the first half of the fifth century, comes from Phanagoria and represents an oracular question addressed to Hermes by a local merchant. In it there is direct reference to the price of grain (probably corn) and, like the first graffito, this one makes possible certain observations on the character of trade in this period. The author brings to bear on the problem all the known early data on grain prices. He subjects to critical analysis the testimonies of Plutarch (*Sol.* XXIII) and Pollux (VIII 130) and argues that they are of no real historical significance. Citing (for the first time in this connection) an Attic sacred-law inscription (*IG* I²842, first half of the fifth century), he states his belief that the corn price given in this inscription is an actual market price, which fits very well with the data contained in the two documents under review. This new information, presented in tabular form, is offered as a supplement to F. Heichelheim's compendium (*RE*, Suppl. VI, s. v. Sitos).

АРИСТОТЕЛЬ (ATH. POL. 23, 5) И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОГО АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

В последние десятилетия повышенный интерес у зарубежных ученых вызывают вопросы, связанные с афинским «империализмом», и в частности вопрос о превращении Делосской симмахии в афинскую архэ. Оживленные дискуссии вызывает характер этого процесса и время его окончательного завершения.

В 1925 г. А. Домашевский¹ писал, что характер и границы афинского морского союза окончательно сложились еще при Фемистокле. Мнение Домашевского было подвергнуто серьезной критике в рецензии Г. Берве² и не получило тогда признания в науке.

Г. Нессельхауф³ считал, что процесс образования афинской державы завершился с окончанием войны против Персии. По его мнению, после заключения Каллиева мира необходимость в союзе отпала и он продолжал свое существование только вследствие применения Афинами прямого насилия. Примерно такого же мнения придерживались В. Кольбе⁴ и издатели *ATL*⁵.

По мнению Шефера⁶, основные черты афинской архэ складываются в 60-е гг. V в. до н. э.

¹ A. D o m a s z e w s k i, Die attische Politik in der Zeit der Pentakontaetie, «Sitzungsber. der Heidelberger Akad. der Wiss.», Phil.-hist. Kl., 1924/5, Abhandl. 4, стр. 5 слл.

² H. B e r v e, «Philologische Wochenschrift», 46, 1926, стр. 856—860.

³ H. N e s s e l h a u f, Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie, «Klio», Beiheft 30, N. F., 17, 1933, стр. 76 слл.

⁴ W. K o l b e, Die Anfänge der attischen Arche, «Hermes», 73, 1938, стр. 267.

⁵ B. D. M e r i t t, H. T. W a d e - G e r y, M. F. M c. G r e g o r, The Athenian Tribute Lists, III, Princeton, 1950, стр. 264.

⁶ H. S c h a e f e r, Die attische Symmachie im zweiten Jahrzehnt ihres Bestehens, «Hermes», 71, 1936, стр. 190 слл.

В специальной работе, посвященной предыстории и возникновению Делосского морского союза, Х. Мейер⁷ выдвигает идеи, которые фактически снова возвращают нас к точке зрения Домашевского. Х. Мейер считает, что в образовавшемся в 478/7 г. до н. э. афинском морском союзе уже были налицо все основные черты подчинения союзников Афинам. В дальнейшем никаких существенных изменений в организации союза не происходит. Афины просто пользуются в каждом конкретном случае своим изначальным господствующим положением, в общем не нарушая основных принципов союза.

Таким образом, мы видим, что вопрос о характере и времени образования афинской архэ непосредственно связан с правильным пониманием первоначального устройства Делосской симмахии. В данной статье мы и попытаемся выяснить, насколько убедительна выдвинутая Х. Мейером точка зрения на характер организации афинского морского союза.

Основным и фактически единственным аргументом Х. Мейера в пользу своей теории организации Делосской симмахии является указанное в заглавии данной статьи место из «Афинской политики» Аристотеля. Описывая переход к Афинам гегемонии в эллинском союзе, Аристотель сообщает: Аристид «принес клятвы ионийцам в том, что у них должны быть общими враг и друг, и в знак этого они бросили в море куски металла»⁸. Это краткое и, казалось бы, носящее общий характер замечание Аристотеля может послужить основанием для трех конкретных и важных выводов.

1. По мнению Х. Мейера⁹, обмен клятвами между Аристидом и ионийцами молчаливо предполагает, что в 478/7 г. до н. э. Афины организовали новый союз.

2. Из того, что при обмене клятвами противопоставлены две стороны — Афины и союзники, следует вывод, что отдельные союзники не были связаны клятвами между собой, т. е. новый союз был организован по принципу Целопоппонесского союза, каждый участник которого был связан союзными обязательствами только со Спартой. Тем самым Афины уже с момента образования союза были поставлены в нем в господствующее положение, позволявшее им использовать союзные силы даже против самих членов союза¹⁰.

3. Употребление в клятвах Аристида и ионийцев формулы *τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ φίλον* предполагает, что афинский морской союз носил оборонительный и наступательный характер, что союзники могли правомерно использоваться Афинами против любого своего врага, в том числе и против других греческих государств, не бывших членами союза¹¹.

Отметим сразу, что рассматриваемое сообщение Аристотеля уже давно вызывало у ученых сомнение в своей подлинности. Еще Бузольт¹² признавал клятвы Аристида и ионийцев неисторическими, так как считал формулу *τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ φίλον* несовместимой с целью образования афинского морского союза и автономией его членов. Подобного же мнения придерживались Шефер¹³ и Хампл¹⁴.

Оставим пока в стороне фразеологию текста Аристотеля и перейдем к историческому анализу выводимых на основе его положений. Это тем более необходимо, что

⁷ H. D. Meyer, *Vorgeschichte und Begründung des delisch-attischen Seebundes*, «Historia», 12, 1963, стр. 405 слл.

⁸ Arist., *Ath. pol.* 23, 5: τοὺς ἄρχους ᾤμισε τοῖς Ἴωνσιν ὥστε τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ φίλον, ἐφ' οἷς καὶ τοὺς μύθους ἐν τῷ πελάγει καθέσσαν. Здесь и далее русский текст греческих авторов дается по последним отечественным переводам.

⁹ Meyer, *ук. соч.*, стр. 437.

¹⁰ Там же.

¹¹ J. A. O Larsen, *The Constitution and Original Purpose of Delian League*, «Harvard Studies in Classical Philology», 51, 1940, стр. 187 слл.; P. A. Brunt, *The Hellenic League against Persia*, «Historia», 2, 1953, стр. 150 сл.: Meyer, *ук. соч.*, стр. 439.

¹² G. Busolt, *Griechische Geschichte*, III, 1, Gotha, 1897, стр. 72, прим. 2.

¹³ H. Schaefer, *Formen der äußeren Politik in der griechischen Geschichte des 6 und 5 Jahrhunderts*, Lpz, 1931, стр. 68 сл.

¹⁴ F. Hampl, *Die Griechische Staatsverträge des 4. Jahrhunderts*, Lpz, 1938, стр. 124 сл., прим. 2.